

Последующий месяц Ли Уман проводил вторую половину дня в Зале Великого Гуманизма, тренируясь, а возвращаясь в поместье И, пересказывал Лю Сычэну то, что удалось услышать от слуг.

Однажды после ужина, когда Ли Уман закончил свой рассказ, Лю Сычэн внезапно спросил:

— Уман, ты каждый день ходишь в Зал Великого Гуманизма?

Ли Уман сразу понял, что скрыть это не удастся, и ответил:

— Да.

— Говорят, это дело рук разбойников с торговых путей Гаочжоу. Как же ты с ними сошелся?

Лю Сычэн был человеком крайне осторожным, а нынешнее положение заставляло его быть еще осмотрительнее. В прошлом он уже тайно наблюдал за Ли Уманом, а теперь, когда тот отсутствовал довольно долго, в нем проснулось подозрение. Недавно он дважды тайком проследил за юношей и убедился, что тот из поместья И идет напрямик в Зал Великого Гуманизма, а возвращаясь, приносит городские сплетни. Лю Сычэн засомневался. Узнав, что за Залом Великого Гуманизма стоят разбойники, он не смог до конца понять мотивы Ли Умана, поэтому, видя его юность, решил спросить прямо.

Ли Уман, поняв, что его тайна раскрыта, вспомнил о доброте Лю Сычэна и был вынужден рассказать всё как есть. Однако о Фениксовой эссенции крови и Благословенной земле Фугуан он умолчал. Ли Уман, достигший четвертого уровня Тренировки Ци, стал куда проницательнее, да и жизнь в миру научила его осторожности. Он лишь сказал, что нашел в пещере Формулу Созерцания Дао, но, поскольку хозяин пещеры запретил, не стал ее забирать.

Лю Сычэн промолчал, и на этом разговор был закончен. Ли Уман продолжал уходить каждый день после обеда.

Однажды глубокой ночью И Шилан, сын И Линя, вернулся домой и сообщил отцу, что случилась беда. Оказалось, что одна из наложниц И Шилана завела роман со слугой. Как-то раз, напившись с друзьями, И Шилан принес домой список книг, составленный Лю Сычэном, и показал его наложнице. Та, выслушав пьяные речи, поняла, в чем дело, украла список и передала его своему любовнику, чтобы тот донес властям. И Шилан, узнав об этом, всю ночь бежал домой.

И Линь, выслушав сына, заволновался:

— Дело плохо. Нужно дать объяснение Ван Цзи.

И Линь в одиночку пришел к жилищу Лю Сычэна и постучал в дверь:

— Уман, открой.

Ли Уман открыл дверь:

— Старый господин, что случилось?

— Попроси господина встать.

Ли Уман прошел в комнату и разбудил Лю Сычэна. Тот уже слышал шум и понял, что дела идут скверно. Он поспешно вышел.

— Прошу, господин, перейдем в другое место, — прошептал И Линь.

Лю Сычэн последовал за ним в кабинет поместья И, где их ждал И Шилан. И Линь закрыл дверь, и отец с сыном опустились на колени.

— Прости, Ван Цзи.

Лю Сычэн давно подозревал, что И Линь знает, кто он такой, поэтому не удивился и сел в кресло.

— Вставайте.

Отец и сын поднялись. Лю Сычэн спросил:

— Что произошло?

Они рассказали всё как было.

— И Линь, почему ты не донес на нас в тот же день? — глядя на него, спросил Лю Сычэн.

— Старик не посмел.

— Я слышал, вы с сыном искусны в живописи. Нарисуйте-ка мой портрет.

Лю Сычэн был на удивление спокоен. Они не посмели ослушаться и принялись за работу. Вскоре портрет был готов. Лю Сычэн взял его в руки — сходство было поразительным.

— И Линь, а ты хитер, — холодно произнес Лю Сычэн.

— Мы с сыном совершили тяжкий грех и больше не смеем обманывать Ван Цзи.

— О? Рассказывай.

— Ван Цзи приказал нам нарисовать портрет, опасаясь, что если пощадит нас, а власти схватят, мы выдадим им ваш облик после преображения. Тогда Ван Цзи будет грозить опасность.

— И ты, И Линь, не должен был рисовать так похоже.

— Если бы мы намеренно исказили черты, то, во-первых, нарушили бы приказ, а во-вторых, Ван Цзи заподозрил бы нас. Тогда смерть была бы неизбежна.

— А разве сейчас, рассказав всё, вы не обрекаете себя на смерть?

— Жизнь и смерть — в руках Ван Цзи, — тихо ответил И Линь.

— Если бы ты был на моем месте, как бы ты поступил?

— Убил бы нас. Тот, кто знает лицо Ван Цзи, должен умереть, — договорив, И Линь прослезился.

Лю Сычэн кивнул:

— Хорошо сказано. Перебив всех в поместье И, я буду спокоен.

Отец и сын опустили головы. Лю Сычэн продолжил:

— Раз вы понимаете, что я должен уничтожить поместье И, но все равно предупредили меня, значит, совесть ваша еще жива. Если бы вы намеренно исказили портрет, в вашем доме не осталось бы ни одного живого существа. И Линь, есть ли тебе куда идти?

— Благодарю за милость, государь! У меня есть дом в городе Аньчжоу, о котором никто, кроме меня, не знает. За ним присматривает верный немой слуга.

Отец и сын пали ниц.

— Где он?

И Линь назвал место.

— Тогда берите семью и уходите.

Отец и сын с домочадцами покинули город той же ночью. Лю Сычэн вернулся к себе, где его ждал Ли Уман.

— Уман, как успехи на посту главного атамана? — спросил Лю Сычэн.

— Мне просто повезло взойти на вершину Фэншань. Люди в лагере по обычаю усадили меня в главное кресло, — осторожно ответил Ли Уман.

— Слушаются ли тебя разбойники шести лагерей? — Лю Сычэн приподнял бровь.

— Все они — мои старшие, так что особых приказов я не отдавал, — спокойно ответил юноша.

Лю Сычэн больше ничего не сказал.

— Сегодня ночью отправимся на торговые пути, — спустя некоторое время решил он.

Ли Уман не знал, что задумал его наставник, но ответил:

— Я поеду с вами, чтобы прислуживать.

— Уман, ты ведь главный атаман шести лагерей, как ты можешь мне прислуживать? После этой поездки можешь не возвращаться в поместье И.

Ли Уман, человек преданный, возразил:

— Господин был добр ко мне, прислуживать вам — мой долг.

Лю Сычэн кивнул:

— Там видно будет.

Лю Сычэн хотел лично увидеть, какова сила разбойников и достоин ли Ли Уман своего звания. По его расчетам, максимум через полгода император Тяньшунь начнет перестановки среди генералов трех северных областей, времени оставалось мало. Если удастся взять под свое крыло разбойников, можно будет оттянуть на них часть правительственных войск, что облегчит его положение.

Они покинули поместье, когда ворота города Аньчжоу еще были закрыты. Лю Сычэн, прихватив Ли Умана, перемахнул через стену. Всю дорогу он держал юношу за рукав, используя технику легкости. Ли Уман слегка применил свою силу, и на полпути Лю Сычэн заметил:

— Уман, твоя техника легкости уже имеет основу, легко тебя нести.

Ли Уман лишь невнятно промычал в ответ.

Добравшись до городка Хунье и остановившись в гостинице, Лю Сычэн сказал:

— Завтра отправимся в секту Фугуан. Я хочу встретиться с шестью атаманами.

— Я сначала предупрежу их.

— Хорошо, — кивнул Лю Сычэн.

Ли Уман вышел, нашел работника на складе, принадлежащем разбойникам, и передал весть Хэй Тайсую, после чего вернулся в гостиницу. Лю Сычэн не стал рассказывать о событиях в поместье И, и Ли Уман не знал, что семья И сбежала.

На следующее утро они прибыли к подножию горы Фэншань. Хэй Тайсуй встретил их, и Ли Уман представил их друг другу. Вместе они поднялись в секту Фугуан и уселись в главном зале. Хэй Тайсуй, видя постороннего, вел себя сдержанно:

— Главный атаман, до тех лагерей, что подальше, я отправил гонцов, они придут самое раннее к полудню завтрашнего дня.

— Дядюшка Хэй, благодарю за труды. Это мой благодетель. Он хочет повидаться с атаманами.

— Господин атаман, я слышал, что Уман стал главным, и хотел бы увидеть величие вашего лагеря и встретиться с остальными атаманами, — вступил в разговор Лю Сычэн.

— Господин слишком вежлив. Мы лишь люди из диких мест, — Хэй Тайсуй, уважая Ли Умана, говорил очень скромно.

Пак И, живший дальше всех, прибыл к полудню. По указанию Лю Сычэна Ли Уман после обеда пригласил всех в зал. Ли Уман не видел в этом ничего серьезного — раз Лю Сычэн его благодетель, можно посидеть как угодно. Но Лю Сычэн возразил:

— Я гость, не могу нарушать правила.

Ли Уману пришлось занять главное кресло, остальные атаманы сели по порядку. Лю Сычэн занял место гостя. Юноша понял, что визит Лю Сычэна — дело не простое.

— Старшие, мой благодетель приехал в гости и хочет познакомиться со всеми вами, — сказал Ли Уман, уступая слово Лю Сычэну.

— Ван Цзи не знаком с вашими порядками, прошу простить, если скажу что-то не то.

Атаманы ответили, что не стоит беспокоиться. Лю Сычэн встал и поклонился Ли Уману:

— Главный атаман.

Ли Уман испугался и вскочил:

— Благодетель, вы губите меня!

Лю Сычэн серьезно произнес:

— Главный атаман, прошу, сядьте. Я слышал, что разбойники ценят верность и чтут правила. Вы сидите в главном кресле, я — гость, не могу из-за личных чувств пренебречь долгом.

Ли Уману пришлось сесть.

— Не говоря уже о том, что Ван Цзи — лишь наставник Умана, даже при дворе, когда император вершит дела, родные дядья обязаны соблюдать правила и докладывать на коленях. Иначе как управлять подданными?

Ли Уман и шестеро атаманов были подавлены его властью.

— Господин, говорите, — Ли Уман не знал, к чему все это ведет.

— Атаман Хэй, слово главного атамана имеет силу? — спросил Лю Сычэн.

— Господин Ван, слово главного атамана, конечно, имеет силу.

— А если он прикажет вам убить человека? — снова спросил Лю Сычэн.

Хэй Тайсуй рассмеялся:

— Что за вопрос? Конечно, исполним.

Лю Сычэн спросил Пак И:

— Атаман Пак, если главный прикажет поднять восстание, исполните?

Пак И ответил:

— Исполню.

Лю Сычэн посмотрел на остальных:

— А вы исполните?

Да Хун и другие были старыми разбойниками, они почуяли неладное, но возразить не могли и молчали.

— Господин Ван, вы пришли поднять нас на восстание? — догадался Иси.

— Да, — не стал скрывать Лю Сычэн.

Все произошло так внезапно, что Ли Уман не знал, что сказать. Хэй Тайсуй заметил:

— Господин Ван, главный атаман — человек чистый, — намекая на то, что они не согласны.

— Говорят, тот, кто взойдет на вершину Фэншань, обретет великое богатство и власть, дарованную самим небом. Неужели вы сидите здесь в ожидании титулов? — Лю Сычэн обвел взглядом атаманов.

Ли Уман понял, что отвертеться не удастся:

— Благодетель, прошу, говорите прямо.

— Главный атаман, сегодня я увидел, как сильно вас уважают. Если бы это было не так, я бы не стал говорить.

Шестеро атаманов, слушая Лю Сычэна, поняли, что Ли Уман сам не знал о намерениях этого господина, и теперь все смотрели на юношу.

— Господин, шесть лагерей на торговых путях сейчас ведут честные дела. Пусть у нас дурная слава, но закон мы не нарушаем. Нам хватает еды и одежды, великих богатств мы не ищем, — Ли Уман никогда не помышлял о восстании и попытался вежливо отказать.

— Атаманы, я, Ван, много читал и знаю свой долг. Разве я не понимаю, что восстание — величайший грех? Но император Тяньшунь убил отца, узурпировал трон и требует выдать детей Ван Цзи, чтобы убить их, попирая все человеческие нормы. Верные сторонники Ван Цзи в северных областях вскоре принесут клятву и выступят против тирана, и каждая область откликнется на призыв, — Лю Сычэн говорил вдохновенно.

Он посмотрел на них:

— Прошу прощения за прямоту, но разбойники — толпа, которую не станут ценить те, кто идет против тирана. Однако сейчас все иначе. Главный атаман — человек, избранный культиваторами. Если собрать из людей шести лагерей войско, это будет мощная сила. Можно совершить великое дело.

— Господин Ван, у нас процветающая торговля, зачем рисковать? К тому же, в восстании Ван Цзи участвует много людей, какая выгода шести лагерям? Лучше жить мирно, — Чан Шань

был слегка заинтригован.

— Ван Цзи выйдет, осмотрится, а вы посоветуйтесь. Какая вам нужна выгода — скажете, когда я вернусь, — сказал Лю Сычэн и вышел.

— Уман, что это за человек, как он может говорить такое? — Хэй Тайсуй был недоволен.

Ли Уман рассказал, как познакомился с Лю Сычэном.

— А господин Ван вернется и будет ждать нашего ответа о цене? — Чан Шань не забыл слова о выгоде.

— Шесть лагерей не пойдут на восстание, так что и торговаться не о чем, — Ли Уман не хотел ввязываться в неприятности.

Атаманы согласились, гадая, кто же такой этот Лю Сычэн. Через полчаса тот вернулся и сел в кресло.

— Ну, договорились?

— Господин Ван, мы хотим спокойно заниматься торговлей, не лезть в императорские дела, — ответил Иси.

Лю Сычэн улыбнулся:

— Я так и знал.

Он встал:

— Вы считаете меня книжником, который умеет лишь подстрекать к бунту, но не имеет истинных навыков. Не считая юного главного атамана, выходите вшестером. Если я побежду — слушаете мои условия. Если проиграю — уйду.

— Ты хочешь бросить вызов нам шестерым в одиночку? — переспросил Ло Симын.

Лю Сычэн кивнул. Иси спросил:

— А если мы проиграем, то должны поднять восстание?

— Нет, — ответил Лю Сычэн. — Просто выслушаете мои условия, а там — ваше дело.

Они видели мастерство Ли Умана и, зная, что Лю Сычэн — его наставник, немного опасались. Но разбойник не может быть трусом, даже если он слабее. Все хотели испытать его.

— Главный атаман, что скажете? — Да Хун посмотрела на Ли Умана.

Тот, видя их возмущение, ответил:

— Состязайтесь, но не калечьте друг друга.

Они вышли на пустую площадку. Лю Сычэн принял стойку. Шестеро атаманов окружили его. Лю Сычэн скомандовал:

— Начинайте.

Чан Шань узнал технику Ладонь Великого Ян, Покоряющая Демонов секты Великого Ян. Он сделал шаг вперед и нанес удар, направленный в горло Лю Сычэна, используя прием Растворение Демонической Тени. Лю Сычэн ответил Небесным Демоном, Ломающим Крылья, ударив правой ладонью по запястью Чан Шаня. Тот знал этот прием, но увернуться не смог — боль пронзила его до мозга костей. Один атаман повержен. Остальные пятеро бросились в бой, но Лю Сычэн, едва двигаясь, легко отбивался. Вскоре все пятеро были повержены.

Ли Уман наблюдал со стороны. С его четвертым уровнем Тренировки Ци, в его глазах движения атаманов были медленными, а Лю Сычэн лишь немного быстрее их.

«Раз уж состязание окончено, выслушаете мои условия?» — спокойно спросил Лю Сычэн.

— Не спеши, — Да Хун, будучи женщиной, была зла из-за поражения. — Главный атаман, раз уж мы повержены чужаком, ты не можешь сидеть сложа руки.

Она знала, что Лю Сычэн не ровня Ли Уману, и хотела, чтобы тот вступил в бой.

— Господин Ван, мы проиграли, вопросов нет. Но есть еще главный атаман. Смеешь ли ты бросить ему вызов? — Чан Шань был хитер и провоцировал его.

Лю Сычэн не знал, практиковал ли Ли Уман Формулу Созерцания Дао, и не интересовался его успехами. Он лишь учил его основам. Разве за несколько месяцев можно достичь чего-то невероятного? Он не поддавался на провокацию.

Хэй Тайсуй сказал:

— Раз никто не хочет драться, давайте выслушаем условия.

Иси усмехнулся:

— Хорошо.

Лю Сычэн, видя их нежелание, подумал: если не подавить их силой, они будут ненадежны.

— Главный атаман, дело касается основ шести лагерей, ты не можешь оставаться в стороне. Давай сразимся.

Ли Уман не хотел подставлять лагерь, но и отказаться не мог.

— Благодетель, вы не говорили, что хотите сразиться со мной. Раз вы победили, лагерь послушает ваши условия.

— Сначала я не знал, что ты так силен, но теперь, если мы не сразимся, атаманы не подчинятся.

— Господин Ван — истинный благородный муж. Даже если вы проиграете, мы дослушаем вас до конца, — Хэй Тайсуй начал уважать Лю Сычэна.

— Благодетель, мое мастерство — ваша заслуга, но за последние месяцы я освоил и другие приемы, — напомнил Ли Уман.

— Я так и думал, иначе нам не стоило бы состязаться.

Чан Шань, опасаясь, что Ли Уман не выложится, добавил:

— Господин Ван, главный атаман взошел на вершину Фэншань, поверьте мне, с моей силой там ждет верная смерть. Не будьте самонадеянны.

Лю Сычэн понял намек и сказал:

— Давайте изменим правила: если Уман проиграет — шесть лагерей поднимают восстание, если я проиграю — подарю вам миллион серебряных монет.

Ли Уман понимал, что максимум, чего он добьется — ничьей. Лю Сычэн, решившись, сказал:

— Если ничья — там видно будет.

Он встал в стойку Ладони Великого Ян. Ли Уман вышел на площадку и начал с приема Чан Шаня — Бесчисленные Демонические Тени. Лю Сычэн ответил Небесным Демоном, Ломающим Крылья, вложив всю силу. Его ладони издавали свистящий звук. Атаманы поняли, что мастерство Лю Сычэна гораздо выше, чем они думали.

Ли Уман отступил, убрав левую ладонь. Удар Лю Сычэна прошел мимо. Лю Сычэн нанес еще три удара, но Ли Уман, не отвечая, лишь плавно перемещался вокруг него, словно ива на ветру.

Лю Сычэн понял, что проиграл, и, решившись на крайние меры, применил самоубийственный прием Появление из Пустоты. Но Ли Уман снова легко увернулся.

Лю Сычэн остановился и горько усмехнулся:

— Я думал, ты открытый человек, а ты скрывал свое мастерство.

— Благодетель, простите.

— Раз уж так, я не могу позволить себе проиграть, — сказал Лю Сычэн.

Все догадались, что этот Ван Цзи и есть Ван Цзи. Лю Сычэн добавил:

— В лагере есть правило: взошедший на вершину занимает главное кресло. Ли Уман, прошу разрешения. Я хочу взойти на вершину Фэншань.

Ли Уман, поняв, что перед ним действительно Ван Цзи, отступил на шаг. Атаманы поклонились:

— Приветствуем Ван Цзи.

— Я — беглец, разыскиваемый династией Тяньшунь. Не нужно церемоний. Уман, каков результат?

— Ничья, — ответил Ли Уман.

— Все знают, что я проиграл, просто ты не ответил.

Хэй Тайсуй подтвердил:

— По правилам — ничья.

— Раз ничья, я хочу побороться за это кресло. Завтра я взойду на вершину Фэншань, Уман, ты согласен?

Ли Уман, чувствуя боль от того, что Ван Цзи не может позволить себе проиграть, ответил:

— Как пожелаете, благодетель.

Вечером Лю Сычэн закрылся в комнате. Ли Уман постучал, но услышал:

— Уман, не нужно меня отговаривать, иди отдыхать.

Ли Уман в панике посоветовался с атаманами, но и у тех не было идей. Иси сказал:

— Раз Ван Цзи настаивает, это путь к смерти. Может, лучше просто согласиться?

Остальные атаманы кивнули.

<http://bllate.org/book/19604/1923439>